

с психологией своих «хозяев» — чеченского семейства, приехавшего на донскую землю на заработки. Не знающие нужды в деньгах, похваляющиеся роскошным домом в Грозном, они относятся к Тимофею как к рабу. И даже хозяйский сын, подросток Алик, небрежно управляющий «Волгой», разговаривает с ним свысока. Но оказывается, что в нравственном поединке бессребренику Тимофею есть что противопоставить чеченскому богатству. Спокойная, образная речь, песни, рассказы о бедной, но такой интересной жизни постепенно заставляют чеченского подростка все больше прислушиваться к Тимофею. А когда старик берет его на утреннюю рыбалку, то у мальчишки глаза загораются куда сильнее, чем при мечтах о втором двухэтажном доме в Грозном. В повести Е. проходит та вечностная вертикаль, которая позволяет увидеть красоту не замутненной грехом жизни.

В 1980–90-е Е. плодотворно сотрудничает с ведущими журналами и изд-вами. Его рассказы печатаются в ж. «Новый мир», «Наш современник», «Знамя», «Подъем», «Волга», «Юность», а также выходят отдельные книги: **«Елка для матери»** (1984), **«Частное расследование: Повести и рассказы»** (1985), **«Ночь исцеления», «За теплым хлебом»** (обе — 1986), **«Живая душа»** (1987), роман **«Родительский дом»** (1988), **«Пастушья звезда»** (1989), **«Донос»** (1990) и др.

Повести и рассказы последних лет (**«Пресвятая Дева-Богородица...»**, 1990; **«Крик в ночи», «Враг народа»**, оба — 1993; **«Гнедой»**, 1994, **«Фетисыч»**, 1996, и др.) звучат тревожно, сохраняя при этом основные особенности екимовского худож. почерка. Лишь некоторая стилистическая экспериментальность заметна в рассказе «Гнедой», где острый социальный конфликт разрешается несколько авантюрным способом, что раньше было несвойственно Е.

О чем бы ни писал Е. в последние годы — о нелепостях антиалкогольной кампании, о последствиях чернобыльской катастрофы, о тяготах репрессий, о проблемах фермерства — всегда это поверяется чем-то незыблемым и неизменным.

Лауреат международной премии «Москва–Пенне» (1997), Гос. премии Российской Федерации (1998) и мн. др. отечественных и международных премий.

Соч.: Доехала благополучно. Волгоград, 1980; Солонич: рассказы и повести. М., 1989; Холюшино подворье. М., 1984; Родительский дом. М., 1988; Высшая ме-

ра: повести и рассказы. Волгоград, 1995; В снегах: Очерк // Новый мир. 1997. С. 158–167; Наш старый дом: повесть // Отчий край. 1997. № 3. С. 72–94.

Лит.: Васильев В. Достоинство слова. М., 1988; Удин Я. О прозе Бориса Екимова // Волга. 1988. № 3. С. 130–141; Богатко И. Предчувствие. М., 1990; Смирнов В. Не страшась выводов: О прозе Б. Екимова // Отчий край. 1994. № 2. С. 159–167; Басинский П. По ту сторону простого и сложного // Лит. газ. 1996. № 46. 13 нояб.; Роднянская И. Род людской // Новый мир. 1996. № 11. С. 237.

Е. И. Колесникова

ЕЛАГИН Иван (настоящее имя Иван Венедиктович Матвеев; при рождении отец дал «будетлянское» имя Уотт-Зангвильд-Иоанн) [1.12.1918, Владивосток — 8.2.1987, Питтсбург, США] — поэт, журналист, переводчик.

Семья Матвеевых оставила заметный след в истории русской культуры. Прадед Е., судебный лекарь, после службы на Тихом океане работал во Владивостоке модельщиком судостроительного завода; дед, Н. П. Матвеев (псевд.— Амурский), имел типографию и своеобразный салон — в его доме бывали писатели, художники, революционеры (Н. Асеев, Д. Бурлюк, братья Сибирцевы и др.); он стал журналистом, краеведом, вел большую просветительную и благотворительную деятельность, писал стихи и рассказы: сб. «Пародии и подражания» (1902), «Уссурийские рассказы» (1904). Н. П. Матвеев был редактором и издателем одной из первых владивостокских газ. («Приморская правда»), а также ж. «Природа и люди Дальнего Востока». Поэтесса Новелла Матвеева, двоюродная сестра Е., воссоздала в поэме «Вещи в доме» удивительную нравственную атмосферу этой «семьи художников». В 1919, во время белого террора в Приморье, дед Е. с женой и младшими детьми эмигрировал в Японию (умер там же в 1941). Отец Е.— поэт-футурист В. Н. Матвеев (псевдоним Венедикт Март), опубликовавший в 1914–22 ряд поэтических книжек, мать — фельдшер. Родители вскоре разошлись, Е. остался с отцом. В 1919 они уезжают на 5 лет в Харбин. Вернувшись, Е. с отцом жили под Москвой (Томилино), но вскоре отец был арестован и отправлен в ссылку в Саратов. Малолетний Е. попал к беспризорнику Ф. Панферову случайно опознал мальчика и помог ему добраться до отца. После окончания срока ссылки В. Март делает безуспешную попытку устроиться в Ленинграде с помощью своего крестного, бывшего народолюбца И. Ювачева (с сыном его, Д. Харм-

сом, Е. успевает подружиться), затем семья переезжает в Киев, где В. Март пытается продолжить работу, но в 1937 — новый арест и казнь (по разным источникам — 1937 или 1938). Были репрессированы и др. члены семьи Матвеевых.

Основными событиями киевской жизни Е. становятся брак с молодой поэтессой Ольгой Анстей и начало лит. деятельности, которой очень способствует друг отца, украинский поэт М. Рыльский (первая публикация Е. — перевод стих. М. Рыльского «Концерт» // Советская Украина. 1941. 28 янв.). В Киеве Е. успел закончить три курса 2-го медицинского ин-та.

Е. увлекался мн. поэтами Серебряного века (Блок, Цветаева, Пастернак, Маяковский и др.), особое место среди них занимала А. Ахматова (позднее он напишет: «Хотя я врозь с Россией, / Врозь со своей страной, / Но розы ледяные / Ахматовой — со мной»). В авг. 1940 Е. совершает поездку в Ленинград с тетрадкой стихов, чтобы получить напутствие в поэзию от Ахматовой. Ей было не до бесед — собирала вещи для арестованного сына и испугалась за последствия встречи для самого Е.: «Это не принесет радости ни мне, ни Вам» («Ново-Басманная, 19». С. 710). Об этом событии Е. расскажет в поэме «Память» и стих. «Я никогда не верил...».

Во время войны Е. с беременной женой оказался на оккупированной территории, затем среди «перемещенных лиц». Чехословакия, Польша, Германия... Первый ребенок, родившийся в 1943, умер. В 1945 родилась дочь Елена, ставшая еще одним поэтом в семье Матвеевых: с 5 лет начала писать стихи. В очень трудных условиях Е. удается издать в Германии свои первые книги стихов — «По дорогам оттуда» (1947) и «Ты, мое столетие» (1949). Именно в это время появляется псевдоним Е.: «Западные демократии имели договоренность со Сталиным (о выдаче «перемещенных лиц». — Ред.), приходилось скрывать свое имя». Когда появилась возможность печататься, Е. «посмотрел по сторонам и увидел литографию Елагина моста (в Петербурге. — Ред.)» (Интервью. 1980. С. 62). Оба сб. Е. послал в подарок И. А. Бунину и получил ответное письмо: «12 янв. 49 г. Дорогой поэт! Вы очень талантливы, часто радовался, читая Ваши книжечки, Вашей смелости, находчивости...» (Цит. по: Радуга. С. 131).

Все остальные основные книги Е. выходят уже в США, куда он с семьей переезжает весной 1950 из Европы (дорога домой для него, сына «врага народа» и внука эмигранта, была закрыта). В 1953 появляется нью-йоркское дополненное изд. «По дорогам оттуда»,

И. Елагин

в 1963 — «Отсветы ночные», в 1967 — «Косой полет», в 1973 — «Дракон на крыше», в 1982 — «В зале вселенной». Дважды выходят составленные автором книги избранных произведений: «Под созвездием топора» (Франкфурт-на-Майне, 1976) и «Тяжелые звезды» (США: Анн-Арбор, 1986). Две последние книги Е. вышли почти одновременно — «Тяжелые звезды», которую торопились опубликовать друзья Е., чтобы успеть порадовать умирающего поэта — в конце 1986, а «Курган», в которую включены отобранные еще самим Е. стихи о гибели людей в годы террора, — в самом начале 1987, вскоре после его смерти.

Перу Е. принадлежит ряд поэм. Своеобразную автобиографическую трилогию составляют «Память» (в нее вошли — с нарушением хронологии — запомнившиеся ребенку и подростку сюжеты встреч с Н. Клюевым, Б. Пильняком, «обэриутами» и др.), «Беженская поэма» и «Нью-Йорк — Питсбург». В поэме «Звезды» (как и в ряде стих.) возникает образ отца — «поэта, седого и нищего», погибшего во время террора 1930-х. Написанная в разгар «холодной войны», «Поэма без названия», посвященная другу, поэту и художнику С. Бонгарту, повествует об истории города, в финале разрушаемого атомным взрывом. Это своеобразный фантастический жанр поэмы-предупреждения. В 1992 опубликована поэма «Дураки». Поэзия Е. часто театрализована, подчеркнута «сценична». Но к собственно

драматургической форме он обращается только один раз — в 1949, создав изящный стихотворный водевиль в традициях французской комедиографии и с героями-французами — «**Портрет мадемуазель Таржи**». Всего один раз обращается Е. и к жанру собственно рецензии, откликнувшись на сб. бывшего воина Белой гвардии И. Савина «Ладанка». Е. не писал специальных историколит. работ и критических статей, но в ряде др. материалов (выступления, беседы, воспоминания, а также сами стихи) содержатся очень интересные сведения о его взглядах на искусство, на проблемы перевода и т. д.

Первые американские изд. Е., подобно немецким, создавались в сложной обстановке — пришлось для заработка перепробовать десяток профессий (в т. ч. мойщика полов в ресторане, рабочего на фабрике), прежде чем Е. оказался сотрудником старейшей эмигрантской газ. «Новое русское слово», где популярность ему принесли не фельетоны, а публикации стих. В 1967 в беседе с Д. Граниным Е. с юмором признавался, что поступил на курсы банковских служащих, т. к. «на стихи не прожить». В течение 17 лет с перерывами ему пришлось заканчивать Нью-Йоркский ун-т, после чего он получил докторскую степень за перевод главного эпического произведения американской поэзии XX в. — исторической поэмы Стефена В. Бене «Тело Джона Брауна» (Е. принадлежит большое количество переводов американских поэтов). Это дало ему возможность стать преподавателем Миддлберийского колледжа и профессором Питсбургского ун-та. Ряд последних лет Е. с большим вкусом и тактом вел в лит. программе «Голоса Америки» раздел «Книги и люди».

Советские читатели впервые начали знакомиться с Е. по самиздату и спискам 1960-х: «С милицией, с прокуратурой / С правительством — я не в ладу, / Я в русскую литературу / Без их разрешенья войду. / Не в темном хлеву на соломе, / Не где-нибудь на чердаке. — / Как в отчете наследственном доме / Я в русском живу языке». По горькой иронии судьбы первые стихи Е. пришли в Россию в переводах с немецкого и английского яз.: «Я живу на расстоянии / От страны моей студеной. / Я живу на заиканье, / С языка переведенный. / В оригинале — откровенье, / А в переводе — подражанье, / В оригинале — вдохновенье, / А в переводе — прилежанье!». Стихи Е. сразу «обратили на себя внимание отдельным, ни на кого не похожим голосом. Хрипловатый, надтреснутый, ироничный, при этом бесстрашно искренний... В них была та Родина,

которую мы не знали, которая появляется от разлуки, от долгой тоски, от невозможности вернуться» (Гранин Д.— С. 105). С этого времени стихи Е. заняли прочное место в самиздате. Когда же в 1972 Е. предложили печататься в советских изд. «по культурным связям с зарубежьем», он резко отказался: «Если не подходит печатанье в нормальных литературных журналах вроде „Нового мира“ и других, чистилищ мне не надо» (Журавина О.— С. 109). В «Новый мир» Е. суждено было прийти после его смерти: официальный «праздник» его поэзии наступил в 1988. К 70-летию Е. начали появляться публикации в «Огоньке», «Лит. газ.», «Неве», «Новом мире» и др. изд.

Творческое наследие Е. до сих пор полностью не известно в России и не изучено, хотя целый ряд интересных мыслей и наблюдений содержится в сопроводениях публикаций, написанных Е. Витковским и В. Синкевич. Они подчеркнули главное в поэзии Е.— ее принадлежность к эпохе двух трагедий: террор и Вторая мировая война. Эта эпоха мучила и вдохновляла Е., сделала его творчество выражением судьбы поколения, живущего в одно из самых трудных времен русской истории. В. Синкевич подразделяет творчество Е. на несколько основных частей: «Советская Россия: сталинский террор и отрыв от Родины; Вторая мировая война; Америка. Запад глазами русского поэта. И особая тема — призвание поэта».

Е.— поэт «традиционный» (а не представитель русского авангарда, как считают некоторые критики), избегающий формального эксперимента со словом и образом, не допускающий их неточности или приблизительности, поэт истинно лирический, нередко использующий народную песенную стихию слова. В то же время он — истинный представитель искусства XX в., умеющий современными вестями (в случае особой необходимости) и экспрессивную метафоричность, и даже звукопись («Вот она, эпоха краха» и др.), любовной и пейзажной лирики у него мало (хотя есть интересная «урбанистическая» линия). Сам Е. считал свои стихи «гражданской лирикой», «находящейся в традициях русской поэтической культуры». Он был убежден, что нельзя стать «мировым», не будучи «национальным» (Интервью. 1980. С. 63, 64, 67). До последнего вздоха он верил в свою неотделимость от русской поэзии: «Не была моя жизнь неудачей, / Хоть не шел я по красным коврам, / А шагал как шарманщик бродячий / По чужим незнакомым дворам. / Полетать мне по свету осколком, / Нагуляться

мне по миру власть / Перед тем, как на русскую полку / Мне когда-нибудь звездно упасть». И еще: «Пускай сегодня и не в счет, / Но завтра может статья, / Что и Россия зачерпнет / От моего богатства»; «Пойдут стихи мои, звеня, / По Невскому и Сретенке. / Вы повстречаете меня, / Читатели-наследники». Е. был благодарен «чужой стране», давшей ему возможность спокойно жить и работать после стольких лет опасностей и скитаний, но, хотя своей стране он «ни забыть, ни простить не смог», тоска по ней насквозь прошла через его поэзию: «Где-то Старого света оставленный край, / Дом. Каштан. Потемневшие стекла аптеки. / Сколько жизни моей там осталось навеки — / Если хочешь, попробуй, поди, подсчитай». Ностальгические мотивы пронизывают мн. стихи о России: «В горячей и пыльной столице...», «Я помню чайку над заливом...», «История стихотворца», «Россия под зубовой скрежет...», «В тот год с товарных станций эшелоны...», «Уже ты подводил итоги...», «Завещание», «Личное дело», «Семейный архив» и др. Не только в геометрии, но и в поэзии есть прием «доказательства от противного». Однажды, в аналогичной ситуации его использует М. Цветаева («Тоска по Родине. Давно разоблаченная морочка...»). Та же боль и тоска у Е. в стих., не всегда верно понимаемом: «Мне не знакома горечь ностальгии, / Мне нравится чужая сторона. / Из всей давно оставленной России / Мне не хватает русского окна. / Оно мне вспоминается донине, / Когда в душе становится темно — / Окно с большим крестом посередине / Вечернее горящее окно». Крест и вечерний свет — пронзительный образ, осенивший весь путь русского поэта-христианина Е., воплотивший глубинную суть его поэзии.

Соч.: СС: в 2 т. / сост., подгот. текста и прим. Е. Витковского. М., 1998; Стихи / вступ. статья Е. Витковского // Поэзия: альм. 1989. № 54. С. 124–128; Память: поэма / вступ. статья Е. Витковского // Новобасманная, 19: сб. СПб., 1990. С. 712–726; Андреевская церковь: стихи // Радуга. Киев. 1990. № 2. С. 132–237; Портрет мадемуазель Таржи: Комедия-шутка в 3-х картинах // Совр. драматургия. 1990. № 3. С. 200–217; Нет в мире ничего обыкновеннее: Последние стихи // Новый мир. 1990. № 3. С. 187–190; Стихи разных лет / вступ. заметка В. Бойкова // Подъем. Воронеж. 1990. № 4. С. 168–178; Стихи // Русская философская поэзия / сост. А. Новиков. СПб., 1992. С. 375–376; Дураки: поэма // Лепта. 1992. № 1. С. 133–137.

Лит.: Иванов Г. Лит-ра и жизнь: поэзия и поэты // Возрождение. 1950. Тетрадь № 10; Гуль Р. И. Елагин «По дороге оттуда» // Новый ж. 1954. № 36; Иваск Ю.

И. Елагин «Отсветы ночные» // Новый ж. 1963. № 74; Ржевский Л. Строфы и «звоны» в совр. русской поэзии // Новый ж. 1974. № 115; Ржевский Л. О поэзии Ивана Елагина // Новый ж. 1977. № 126; Гранин Д. Слово о поэте // Нева. 1988. № 8; Витковский Е. В зале вселенной, под созвездием топора // Радуга. Киев. 1980. № 2; Витковский Е. Фиалка без Монмартра // Совр. драматургия. 1990. № 3; Синкевич В. Последние дни Ивана Елагина // Новый мир. 1990. № 3; Журавина О. «Я родился...» // Дальний Восток. 1990. № 9; Интервью. 1980 // Глад Д. Беседы в изгнании. М., 1991. С. 62–67; Трубин А. «От русского слова, от русской культуры...» // Рубикон: альм. М., 1993.

К. Ф. Бикбулатова

ЕЛПАТЬЕВСКИЙ Сергей Яковлевич [23.10 (4.11).1854, с. Новосел-Кудрине Александровского у. Владимирской губ.— 9.1.1933, Москва] — прозаик, публицист.

Сын сельского священника. После окончания медицинского ф-та Московского ун-та (1872–78) служил земским врачом в Скопинском у. Рязанской губ. С конца 1878 начинаются скитания по тюрьмам и ссылкам. В 1884 за принадлежность к «Народной воле» был выслан в Восточную Сибирь. За ним последовала жена Людмила Ивановна, дочь помещика Сокологорского, с двумя детьми. Местом поселения было назначено с. Верхне-Пашенское, в 8 верстах от Енисейска, затем — Енисейск. Е. занимался медицинской практикой, безвозмездно лечил неимущих, выезжал в Туруханский край и Приангарье для участия в борьбе с эпидемиями, побывал на озере

С. Я. Елпатьевский